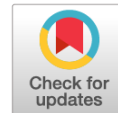

Государственный суверенитет: попытка переосмысления

Андреев Н.Ю.,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры финансового права,
юридического факультета
Воронежского государственного университета
E-mail: wredig@rambler.ru

Аннотация. Автор пытается изучить правовую конструкцию суверенитета, разделить политический и правовой аспект суверенитета. Для этого прослеживается развитие доктрины суверенитета, с римских времен и до наших дней. В итоге доказывается аутентичность понятий «государственный суверенитет» и «правосубъектность государства». *Ключевые слова:* суверенитет, государство, *imperium*, фиск, правосубъектность.

Категория «суверенитет» является одной из наиболее важных в государствоведении. Возникнув для обоснования независимости от германского императора и его превосходства над феодалами, «суверенитет» изучался как, в первую очередь, политическое явление. Указанная причина объясняет смешение вопросов факта (политики) и вопросов права (юридической конструкции) при изучении суверенитета. Это негативно сказывается на исследовании правовой природы суверенитета.

Все это приводит к мысли о необходимости исследования суверенитета преимущественно как правового явления, для чего требуется решить следующие задачи: 1) изучить суверенитет как явление; 2) определить его источник; 3) исследовать правовую природу суверенитета.

Использованию суверенитета как научного термина положил начало Жан Боден в «Шести книгах о государстве». Примечательно, что написание данного труда совпало с исходом борьбы за политическую власть в Европе. Если в раннем Средневековье римские папы и германские императоры оспаривали друг у друга первенство в западном мире, вассалы могли оказаться могущественнее сюзерена¹, то к моменту публикации этой работы борьба за установление политического превосходства закончилась. Окончательно утвердился принцип «король — император в своем королевстве»². Во Франции, Англии, ряде других государств монархам удалось подавить сопротивление феодалов и выстроить прочную вертикаль власти. Противоположностью являлась Священная Римская империя,

где выборная императорская власть подчинить феодалов не сумела.

В подобных условиях и осмысливалась идея суверенитета. С одной стороны, достаточно сильное Французское королевство, где конкурировавших на равных с королем сеньоров почти не осталось. С другой — Германия, так и не получившая сконцентрированную в одних руках императорскую власть, все более слабевшую. Оставалось только теоретически осмыслить действительность, что и предпринял Жан Боден.

Использованный мыслителем термин суверенитет («верховная власть» — пер. с фр.) понимался как «абсолютная и постоянная республиканская власть, которую латиняне именуют «величие»»³. В данном случае правильнее было бы перевести слово «республиканская» просто как «государственная», так как в латыни «республика» означает «общее дело», т.е. государство как таковое. Интересно, что Боден ссылается на *majestas* — величие, достаточно интересное понятие римского права. Как указал К.В. Вержбицкий, *majestas* как неким свойством обладают римская община, сенат и принцепсы⁴. Можно полагать, что *majestas* распространялся на магистратов как избираемых народом лиц. Сенат практически не отделялся от римской общины и стоял наравне с ним, будучи основой Римского государства. Такое положение определяло формулу «*Senatus Populusque Romanus*» — «Сенат и народ Рима».

Опираясь на латинскую терминологию, Жан Боден показывает себя скорее продолжателем дела римских юристов, чем создателем новой концепции. Вместе с тем, преемственность

¹ Например, Плантагенеты приносили оммаж французским королям, владея землями обширнее королевского домена

² Хачатурян Н.А. «Король — император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. и сост. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 66 — 88.

³ Цит. по: Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; Под ред. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. С. 41.

⁴ Вержбицкий К.В. Развитие системы принципата при императоре Тиберии (14 — 37 гг. н. э.) // URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/verzhbit/verzhb013.htm>.

термина еще не означает аутентичности соответствующего содержания. По мысли Бодена, суверенитет представлял собой «постоянную, высшую, независимую, несвязанную законами, абсолютную власть над гражданами и подданными»⁵. Однако это была власть не государства как такового, но власть монарха, являвшегося носителем суверенитета⁶. Это вполне объяснимо, ведь Боден осмысливал политическую борьбу не государств как таковых, но европейских монархов за политическое верховенство.

Уже из самого определения, данного Боденом, понятно, что перед нами некая власть, т.е. понятие скорее политическое, чем правовое. Однако требуется разграничить юридический и политический аспекты суверенитета, в чем поможет краткое (в силу ограниченности объема работы) изучение природы интересующего нас явления.

Жан Боден указывает на преемственность суверенитета и *majestas* (величия). Последнее у древних римлян было связано с верховной властью, *imperium*.

Под *imperium* понималась власть, которой распоряжались римские магистраты⁷. Как отмечает В.В. Дементьева, *imperium* представлял собой «право приказа», вне зависимости от того, был он направлен на конкретного человека или на римскую общину в целом⁸. В силу того, что под римской общиной понималось собственно Римское государство, то приказ этот мог распространяться не просто на членов общины, но на всех должностных лиц, граждан и подданных Рима. *Imperium* нельзя было свести к одному или нескольким правам, скорее, это была совокупность полномочий. Источником *imperium* считался римский народ, избиравший должностных лиц, и не зря в этой связи О.А. Омельченко указывает на магистратские полномочия как часть «отчужденного суверенитета». Об отчуждении суверенитета либо же части суверенитета в юридическом смысле говорить нельзя, О.А. Омельченко верно подметил связь *imperium* и суверенитета⁹.

Концентрация *imperium* в руках Юлия Цезаря и его преемников обозначила превращение республики в монархию. Принцепсы и доминусы юридически выступали магистратами, объеди-

нявшими полномочия всех основных должностных лиц формально продолжавшей существовать республики. Они точно так же избирались (наделялись *imperium*). Более того, византийские василевсы, как правители сохранившейся части Римского государства, как минимум, до XI в. продолжали избираться, т.е. наделяться *imperium*¹⁰. Пусть процедура выборов оставалась более чем формальной, но это и означает то, что император являлся императором именно потому, что его избирала римская община: иначе подобного формализма не потребовалось.

Тем самым, конструкцию *imperium* в самом простом виде можно представить следующим образом: это набор полномочий, приобретаемых должностным лицом на основании выборов. Средством передачи *imperium* является выбор народа, обладающего *majestas*. Величие можно считать источником *imperium*.

К сожалению, конструкция *imperium* в трудах римских юристов должной проработки не нашла. Возможно, причиной тому является отсутствие необходимости отстаивать, выстраивать конструкцию *imperium* в борьбе с конкурентами: таковых просто не было. Иное мы видим в покоренной варварами Европе.

В чем-то был прав Б.Н. Чичерин, полагавший, что средневековье явилось торжеством частного начала в общественных отношениях, практически вытеснив начало публичное¹¹. Одна и та же территория могла подчиняться значительному числу лиц, находившихся друг с другом в весьма запутанных вассальных отношениях, что происходило на фоне противоборства римских пап, императоров и королей.

Естественным образом возникала необходимость отстоять и обосновать независимость и верховенство соответствующего правителя на определенной территории. Дело, начатое Боденом, было продолжено.

Подробным образом на исследованиях суверенитета, проведенных в XVII — XIX вв., мы останавливаться не будем и просто отошлем к соответствующему труду Н.И. Палиенко. Он указал, что суверенитет представляет собой «такой характер государственности власти, в силу которого она является безусловно высшей правовой властью в пределах своей территории, и... не зависит от всякой другой организованной власти...». Кроме того, автор добавил, что «в объективном смысле суверенитет — безусловное верховенство государственной власти, в субъективном же смысле суверенной

⁵ Цит. по: Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография губернского правления, 1903. С. 33.

⁶ Там же. С. 88.

⁷ Дождев Д.В. Римское частное право / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, Инфра-М, 1996. С. 107.

⁸ См.: Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 46. В указанной статье дается прекрасный обзор истории исследования понятия *imperium*.

⁹ Омельченко О.А. Римское право: учебник. М.: ТОН — Остожье, 2000. С. 33.

¹⁰ См., например: Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. С. 26 — 33; Андреев Н.Ю. Природа императорской власти в Византийской империи // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб.: КультИнформПресс, 2012. С. 110 — 113.

¹¹ См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006. С. 118 — 124.

властью можно называть лишь субъекта, носителя такой высшей власти»¹². Легко можно заметить, что правовой конструкции суверенитета Н.И. Палиенко не дает, скорее, понятие носит у него описательный характер. Указание на верховенство является тавтологией — суверенитет и так означает «верховную власть». Акцент делается на таком качестве, как безусловность власти. Но, как представляется, это мало объясняет правовую составляющую суверенитета.

Французский теоретик права и конституционалист А. Эсмен различал внешний и внутренний суверенитет, рассматривая последний как «право повелевать всеми гражданами, составляющими нацию, и даже теми, которые лишь проживают на ее территории»¹³. Как видим, для Эсмена суверенитет — это конкретное, вполне определенное право осуществления власти над соответствующим населением. Другой французский автор, Л. Дюги, полагал, что суверенитетом является «воля государства, лица, которое обладает самостоятельной властью повелевать независимо от всякой другой воли»¹⁴. В отличие от Эсмена Дюги понимает суверенитет как нечто предшествующее праву управления населением.

Н.Н. Алексеев полагал, что суверенитет представляет собой особое положение элементов сложного социального отношения, включающее «идею сравнения, идею соотносительности»¹⁵. Ведущий юрист-евразиец, как видим, пытался вообще отойти от категории права при описании суверенитета и определить сущность данного явления. Но «идея соотносительности» все равно упирается в связь государства и иных публичных субъектов, что вполне понимал еще Жан Боден.

М. Ориу попытался разделить политический и юридический суверенитет. Французский исследователь определял последний как «живую силу установленного положительного права», которая «имеет пребывание в...общей воле» и представляет собой компетенцию, т.е. волю «выполнять функции»¹⁶. В конечном итоге, он понимал государственный суверенитет как верховную власть государства, одновременно и силу принуждения, и компетенцию, даже более того, «компетенцию компетенций». Государственный суверенитет получал свою реализацию в форме принятия конституции¹⁷.

¹² Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. С. 307, 332.

¹³ Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1898. С. 3.

¹⁴ Дюги Л. Конституционное право: общая теория государства. М.: Инфра-М, 2014. С. 82.

¹⁵ Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / под ред. В.А. Томсинова М.: Зерцало, 2008. С. 182.

¹⁶ Ориу М. Основы публичного права. М.: Инфра-М, 2013. С. 35, 83.

¹⁷ Там же. С. 434, 450.

Действительно, в политическом смысле суверенитет для М. Ориу выступал как власть принуждения, в юридическом же как «компетенция компетенций», т.е. возможность определять компетенции органов и должностных лиц. В позитивном праве выражение такой компетенции мы находим в установлении компетенции различных органов или государства, субъектов федерации, муниципальных образований как таковых. Примером тому могут служить положения ст. 71 — 73 Конституции РФ.

Вместе с тем, в труде Ориу был обойден вопрос о том, может ли государство выходить за пределы «компетенции компетенций», установленной в конституционных актах (по причине их древности, устарелости и т. д.). Здесь мы видим иллюстрацию доктрины «ограничения государства своим правом», достаточно активно разрабатывавшуюся в XIX — начале XX вв.¹⁸ Но, признавая ограниченность государства своим правом, сторонники данной идеи тем самым отказывали государственной власти в «неограниченности» и «абсолютности». Если можно себя ограничить навсегда, то нельзя говорить о неограниченности. Если ограничение носит временный характер и преодолевается в любое время, то это не ограничение. Следовательно, требовалось обосновать возможность выхода государства за пределы закрепленного в конституционном законодательстве круга полномочий.

Данной проблеме значительное внимание уделил К. Шмитт. Немецкий исследователь полагал, что вопрос о лицах и органах, принимающих решения в случае отсутствия правовой регламентации, есть и вопрос о суверенитете. Кто обладает экстраординарной государственной властью (т.е. властью действовать при отсутствии соответствующих правовых норм) и может решать, когда наступает ситуация необходимости применения такой власти, тот и является сувереном¹⁹. Чрезвычайным положением — положением, требующим использования экстраординарной власти, К. Шмитт называл не конкретную ситуацию, оформленную актом о введении такого положения, а «общее понятие учения о государстве»²⁰. Можно предположить, что подобная ситуация может возникнуть когда угодно. Такое расширенное понятие, на наш взгляд, вполне соответствует ходу размышлений К. Шмитта. Но у него так и не получилось отказаться от описания суверенитета через политические термины (власть и т. д.).

¹⁸ См., например: Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков: Зильберберг и сыновья, 1908. С. 310 — 342; Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Т. 1. М.: Либроком, 2012. С. 203 — 211.

¹⁹ См.: Шмитт К. Диктатура. С. 216, 251.

²⁰ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 8.

Современные авторы точно так же отталкиваются от политической составляющей интересующего нас явления. Так, А.Л. Бредихин под юридическим суверенитетом понимает «внешнее формальное закрепление свойств суверенитета в системе законодательства, структуре и компетенции органов государственной власти». Указанный автор, подобно М. Ориу, сближает компетенцию государства и суверенитет, а также государственную юрисдикцию, признавая их различными понятиями²¹. Однако при этом А.Л. Бредихин носителем суверенитета полагает «всю систему органов государственной власти государства»: та, «взятая в единстве... обладает неограниченной компетенцией»²². Данная оговорка позволяет сделать вывод, что исследователь все-таки склоняется к аутентичности понятий «суверенитет» и «компетенция» (если совокупности органов государственной власти присущи оба этих свойства, причем позволяющих осуществлять одну и ту же функцию, то это скорее это просто разные названия для одного свойства).

Необходимо признать, что приведенная выборка авторов далека от полноты и всеохватности, но позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, до настоящего времени исследователи суверенитета изучают одновременно и политические, и юридические аспекты этого явления. Во-вторых, в юридическом смысле суверенитет обычно понимается либо как некое свойство государства (когда речь идет о государственном суверенитете), либо как определенное право (право осуществлять власть), либо как совокупность прав (или право на права — «компетенция компетенций», юрисдикция и т. д.). Отсюда вытекают две проблемы:

— чистота исследования требует разделить политику и право в суверенитете (иными словами, изучать в первую очередь его правовую конструкцию и т. д.);

— определить, что же такое суверенитет: синоним уже существующего правового термина (компетенция, юрисдикция, право и т. д.) либо же некое уникальное явление, обладающее специфическим, только ему одному присущим содержанием.

Представляется, что лучше начать с разрешения второй проблемы. Если удастся доказать тавтологию (существование юридического термина, идентичного по содержанию суверенитета), это позволит разделить правовые и политические аспекты суверенитета, и тем самым упростит поставленную задачу.

Необходимо обратиться к трудам Л.А. Ти-

хомирова. Он использовал термин «верховная власть» вместо «суверенитета» и «суверена». Это снимает необходимость приложения усилий для понимания значения термина. Как указал Л.А. Тихомиров, верховная власть не является ни обществом, ни государством, но представляет собой неотъемлемый признак государства, без которого последнего существовать не может²³. Философ также добавил, что от верховной власти все учреждения «получают свой авторитет»²⁴. Последнее можно понимать как возможность и законность действия.

Легко заметить, что приведенное мнение описывает скорее политическое содержание суверенитета. Собственно правовой характеристики здесь не дается, но имеется возможность подобрать аутентичную правовую конструкцию.

Суверенитет, на основании изложенного, есть высшая власть, без которой государство считаться таковым не может. Кроме того, из верховной власти проистекают все остальные полномочия («авторитет» в тихомировском понимании), которые выполняют государственные органы.

По нашему мнению, указанному содержанию соответствует только одна правовая конструкция — правосубъектность. Наличие последней свидетельствует о существовании субъекта права. Без правосубъектности он отсутствует. Кроме того, правосубъектность является предпосылкой для возникновения прав и обязанностей²⁵. Следовательно, конструкция правосубъектности вполне соответствует содержанию суверенитета.

Однако до настоящего времени, насколько нам известно, на тождество понятий «государственный суверенитет» и «правосубъектность государства» другие авторы не указывали. Как представляется, причиной тому является применение конструкции «правосубъектность» преимущественно к физическим и юридическим лицам.

Действительно, вышеуказанное понятие сформировалось в основном на основании трудов романистов (специалистов по римскому праву), как и большинство других базовых правовых категорий. В римском праве внимание было обращено на взаимоотношения частных субъектов, равных друг другу. Государству приписывался особый статус «хозяина государственного имущества», казны, равного в правах с частными лицами²⁶. Следовательно, правосубъектность ас-

²³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-Пресс, 2006. С. 372.

²⁴ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 400 — 401.

²⁵ См., например: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. С. 134.

²⁶ См.: Андреев Ю.Н. О некоторых вопросах соотношения понятия казны в частном и бюджетном праве // Известия Юго-Западного государственного университета.

²¹ Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М.: Инфра-М, 2012. С. 60, 66, 72.

²² Бредихин А.Л. Указ. соч. С. 72.

социровалась с фиском, который потребности частного оборота поставили вровень со всеми остальными субъектами. Суверенитет же, наоборот, предполагает превосходство государства над любым другим лицом. Кроме того, публичному праву достаточно долгое время не требовалось регулировать отношения государства с иными субъектами. Суверен выступал как высшая юридическая сила, объяснять наличие прав и обязанностей у которой не требовалось. Только развитие международных отношений, а вслед за ним международного публичного права, привело к появлению равносильных субъектов права. Естественно, при подобном взгляде невозможно определить правосубъектность и суверенитет как идентичные понятия.

Постараемся доказать тождественность конструкций суверенитета и правосубъектности.

В первую очередь, определим их функции. Главное назначение правосубъектности — обозначить появление субъекта права, наделить правами и обязанностями. Человек может быть лишен правосубъектности, как это имело место применительно к рабам (хотя даже и они могли обладать определенным набором прав) или лицам, подвергнутым наказанию в форме лишения гражданских прав. Причем человек мог как потерять правосубъектность, так и приобрести ее. Но в условиях отсутствия правосубъектности индивид уже не мог осуществлять свои права — их просто не было. Коротко говоря, при наличии правосубъектности человек будет субъектом права, при отсутствии — нет.

Суверенитет означает появление государства. Исчезновение суверенитета может свидетельствовать об исчезновении самого государства и обязательно — о потере им самостоятельности, т.е. возможности осуществлять власть независимо от других. Суверенитет будет свидетельствовать о наличии государства как полноценного субъекта публичного права, отсутствие суверенитета — о невозможности называть некое политическое образование государством.

Содержание понятий. Правосубъектность включает в себя правоспособность и дееспособность, некоторые авторы также считают деликтоспособность особым ее элементом²⁷. Если физические лица могут осуществлять дееспособность как самостоятельно, так и через представителей, то юридические лица (и приравненное к ним государство) — только через представителей. Когда представитель действует в рамках предоставленных полномочий, то по общему правилу отвечать будет представляемый (обладатель правосубъектности). Тем самым право-

субъектность включает в себя возможность действовать правовыми средствами.

Суверенитет позволяет государству через своих представителей осуществлять верховную власть (о чем свидетельствует сам термин). Если соответствующие должностные лица действуют в рамках предоставленных полномочий, не нарушая установленное самим же государством законодательства, то вся ответственность за действия таких лиц ложится на государство. Иными словами, суверенитет — возможность действовать, осуществлять власть.

Источник и момент возникновения. Начиная от ранних представителей юснатурализма, а более всего — с момента провозглашения первых конституций, за человеком признается набор естественных, прирожденных прав, не зависящих от воли законодателя. Сейчас является достаточно привычным закрепление достаточно обширного перечня субъективных прав. Однако при отсутствии фиксации не просто перечня — самой возможности наличия субъективных прав, вряд ли удастся их осуществлять. Как минимум, не будет нормативных гарантий их осуществления, и придется бороться за них различными способами, примеров чему история дает нам в огромном множестве. Правосубъектность юридического лица может возникнуть только после нормативного закрепления самой возможности его создания, определения круга его прав и обязанностей. Тем самым можно заметить, что источником правосубъектности является ее формальное (выраженное в законодательстве) признание государством.

Вопрос с источником суверенитета является куда более сложным. Некоторые авторы утверждают, что для суверенитета необходимо внутреннее (со стороны народа) и внешнее (международное) признание²⁸. Однако история показывает, что отсутствие международного признания не влияет на возможность государства осуществлять власть на соответствующей территории, примером чему может служить существование СССР в 1920 — 1930-х годах. С другой стороны, без «внутреннего» признания вряд ли можно говорить о наличии верховной власти: ей просто не будут подчиняться. Примерами тому может служить история «непризнанных государств»: так, жители Приднестровской Молдавской республики на протяжении более чем двух десятилетий не признают суверенитет Молдавии, а жители Южной Осетии и Абхазии — претензий Грузии. Ни военные действия, ни политическое и экономическое давление изменить такого положения не смогли.

2012. № 2. Ч.2. С. 163 — 164.

²⁷ Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. М.: Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 386.

²⁸ В.В. Иванов полагает, что формальный суверенитет (из контекста следует, что это суверенитет в смысле юридическом) «нуждается в провозглашении и внешнем признании»: Иванов В.В. Теория государства. М.: Изд-во ГУ-ВШУ, 2010. С. 54.

Но в какой момент появляется возможность говорить о признании народом государства? Кого именно признают? Ведь требуется некий субъект, на который это признание должно распространяться. Бессубъектное признание (т.е. ни на кого не направленное) нам представляется невозможным. И только когда это признание на кого-то направлено, распространено, тогда и появляется государство.

В нашей конституции сказано, что многонациональный народ Российской Федерации выступает носителем суверенитета и единственным источником власти (т.е., опять же, суверенитета) в стране (ст. 3 Конституции РФ). Народ может осуществлять свою власть как непосредственно, так и через государственные органы, однако из указания на референдум и выборы становится ясно, что непосредственное осуществление является не постоянным, а скорее эпизодическим (собственно в моменты голосования), тогда как в остальное время власть осуществляют государственные органы.

Очень верно необходимость такого разделения К.С. Аксаков выразил в афористической манере: «Если народ — государь, народ — правительство, тогда нет народа»²⁹. Субъекты, осуществляющие власть, и субъекты, ей подчиняющиеся, должны быть разделены. В ином случае каждый будет считать себя имеющим право управлять, а так как все будут иметь одинаковые права (любой человек и все люди вместе должны обладать равными полномочиями, в ином случае они бы представляли каждый собой «государя»), то и подчиняться никто никому не должен. Формулой «если народ — государь, народ — правительство» можно было бы обозначить состояние анархического общества: нельзя сказать, что там нет власти, просто ею обладают все и каждый в отдельности.

Следовательно, необходимо определить круг лиц, на которых возлагаются полномочия по управлению. Процедура такого наделения полномочиями разнится, от перехода по наследству до избрания путем подачи голоса или даже, как часто имело место в «демократические» периоды в Афинах, посредством жребия. Даже в абсолютистском государстве власть осуществляется не одним-единственным лицом, но группой лиц, которая составляет правящий слой (в терминологии И.Л. Солоневича, И.А. Ильина и евразийцев) или правящую элиту (в терминологии Г. Моска и ряда других авторов).

Но помимо добровольного признания имеются также примеры принудительного обеспечения народного подчинения. Так, в эпоху Великого переселения народов значительные

массы населения романизированных областей оказались под властью германцев. И если на некоторых территориях варваров расселяли римские императоры, то другие были приобретены захватным способом. Интересно, что во многом силовым путем тот же Рим подчинил себе утраченные потом земли. Их население требовалось привести к покорности различными средствами. Позже уже потомки варваров-захватчиков вынуждены были уступить силу оружия: вестготы (как и романизированное население) подчинились арабскому завоеванию, лангобарды — франкам, а жители Балкан — болгарской или венгерской власти.

В указанных случаях правящий слой появлялся не из самого народа той или иной земли, но навязывал свою власть извне. Исключением можно было бы считать призвание правителя определенной частью населения. И если обычно ссылаются на летописную легенду о призвании варягов, то позднейшая история сохранила примеры призвания иностранных правителей польской шляхтой сеймом (Иштвана Батори из Трансильвании), московским боярством в Смуту (Владислава IV Вазы), шведским государственным советом (Жан Бернадот) и т. д. Можно заметить, что отнюдь не всегда такое призвание автоматически обеспечивало признание власти того или иного лица всем населением (подавляющая часть населения Московского государства так и не подчинилась королевичу Владиславу).

Кроме того, население или его часть могут потерять доверие к правящей элите, что внешне проявляется в восстаниях и революциях и может привести либо к изменению формы правления (по существу — смене правящего слоя) или разделению государства.

Единственное, что общего имеется во всех указанных случаях — готовность подчиняться правящему слою. Последний играет роль организатора, формирует состав управленцев и т. д., без чего государство невозможно. Следовательно, можно говорить о том, что были прав Н.Н. Алексеев, видя в государстве сложное отношение «между личностями и между социальными группами»³⁰. Действительно, государство есть скорее результат признания народом правящего слоя, подчинения (добровольного или принудительного) его власти, т.е. отношение, содержанием которого является признание, легитимация правящего слоя. Структуру этого отношения можно определить следующим образом: 1) субъекты — народ и правящий слой; 2) объект — признание (легитимация) правящего слоя; 3) содержание — действия по осуществлению власти.

²⁹ Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы / Сост. Н.Л. Бродский. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910. С. 77.

³⁰ Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 145.

Можно полагать, что верховная власть (суверенитет) возникает в тот момент, когда население признает правящий слой. Соответственно, без этих трех элементов (населения, признания, правящего слоя) государство не возникнет. И хотя эти элементы обязательны, признание кажется нам важнейшим: его добиться сложнее всего. По этой причине мы также полагаем возможным говорить о том, что суверенитет возникает именно на основании признания. Моментом возникновения суверенитета и, следовательно, государства, является не просто признание правящего слоя, но возможность последнего осуществлять власть, т.е. создание властных структур. Так, в Древнерусском государстве подобной структурой выступила дружина, соединявшая в себе военные и административные функции. Кроме того, пример создания народных республик показал, что волеизъявления народа на референдуме недостаточно, для создания государства требуется организационная структура, позволяющая отстаивать выбор людей (признание ими правящего слоя).

Прекращение правосубъектности и суверенитета удобнее всего показать на контрасте с их возникновением. Правосубъектность конкретного субъекта прекращается вместе с его смертью (для физического лица) или ликвидацией (для юридического лица). Исчезновение правосубъектности у целой группы лиц (например, перевод рабов из обладающих небольшим кругом прав в категорию объектов торгового оборота) связано с исключением ее из законодательства, окончанием нормативного признания. Для государства же исчезновение связано с потерей признания народом соответствующего правящего слоя или подчинением другому правящему слою (государству).

Таким образом, следует утверждать, что правосубъектность государства и государственный суверенитет тождественны. Правосубъектность — это формальное, юридическое выражение суверенитета, суверенитет в правовом смысле.

На основании вышеизложенного необходимо сделать следующие выводы:

— суверенитет как явление берет свое начало в римскую эпоху. В понятия «*imperium*» и «*majestas*» вкладывалось содержание, сходное с тем, что позже приписали суверенитету. Кроме того, Жан Боден ссылаясь на *majestas* как на аналог суверенитета;

— государственный суверенитет и правосубъектность государства являются тождественными понятиями. Правосубъектность государства есть формальное (нормативно закрепленное) выражение суверенитета или суверенитет в правовом смысле. Иными словами, правосубъектность охватывает только юридический аспект суверенитета;

— подтверждением является совпадение функций правосубъектности и суверенитета (обозначить появление соответствующего субъекта), содержания (возможность действовать), источника (признание). Это не исключает определенной специфики. Правосубъектность обозначает появление правового субъекта и возможность действовать правовыми средствами, суверенитет — возникновение государства и осуществление им властвования. Источником для правосубъектности является правовое признание — закрепление в законодательстве, для суверенитета — признание народом правящего слоя. Моментом возникновения для правосубъектности является установление соответствующей нормы, для государства — момент признания правящего слоя и формирования властных структур. Прекращается правосубъектность конкретного лица в связи с его гибелью (для физического лица), или ликвидацией (для юридического лица), или исключением соответствующего круга субъектов из законодательства. Суверенитет пропадает при отказе со стороны народа признавать соответствующий правящий слой или подчинения правящему слою другого государства;

— неиспользование конструкции правосубъектности как формального выражения государственного суверенитета вызвано особенностями разработки юридических конструкций общей теорией — путем заимствования и осмысления из римского и, шире, частного права. Правосубъектность в частном праве использовалась для множества равных (или примерно равных) субъектов, находящихся в горизонтальных отношениях. Суверенитет изначально предусматривает исключительность, верховную власть над всеми остальными. Когда же развитие международных отношений привело к признанию равенства множества государств (например, в рамках ООН и других международных организаций), традиция не рассматривать суверенитет и правосубъектность как тождественные понятия уже сформировалась.

Список литературы

1. Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы / Сост. Н.Л. Бродский. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910. С. 69 — 96.
2. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 175 с.
3. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 216 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. М.: Велби, Изд-во Проспект, 2008. 565 с.
5. Андреев Н.Ю. Природа императорской власти в Ви-

- зантийской империи // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб.: КультИнформПресс, 2012. С. 110 — 113.
6. Андреев Ю.Н. О некоторых вопросах соотношения понятия казны в частном и бюджетном праве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 2. Ч. 2. С. 162 — 169.
  7. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М.: Инфра-М, 2012. 128 с.
  8. Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. 222 с.
  9. Вержбицкий К.В. Развитие системы принципа при императоре Тиберии (14 — 37 гг. н. э.) // URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/verzhbit/verzhb013.htm>.
  10. Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 46—75.
  11. Дождев Д.В. Римское частное право / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, Инфра-М, 1996. 704 с.
  12. Дюги Л. Конституционное право: общая теория государства. М.: Инфра-М, 2014. 427 с.
  13. Иванов В.В. Теория государства. М.: Изд-во ГУ-ВШУ, 2010. 288 с.
  14. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. 800 с.
  15. Омельченко О.А. Римское право: учебник. М.: ТОН — Остожье, 2000. 208 с.
  16. Ориу М. Основы публичного права. М.: Инфра-М, 2013. 576 с.
  17. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография губернского правления, 1903. 591 с.
  18. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков: Зильберберг и сыновья, 1908. 345 с.
  19. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-Пресс, 2006. 624 с.
  20. Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
  21. Хачатурян Н.А. «Король — император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. и сост. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 66 — 88.
  22. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006. 505 с.
  23. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; Под ред. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. 329 с.
  24. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 570 с.
  25. Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1898. 361 с.
  26. Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Т. 1. М.: Либроком, 2012. 408 с.

Sovereignty of State: Attempt of Reconceptualization

Andreev N.Yu.,

PhD in Law,

Lecturer of the Financial Law Department,

Voronezh State University

E-mail: wredig@rambler.ru

Abstract. *Author tries to investigate legal construction of the sovereignty, divide political and legal aspects of the sovereignty. For this author retraces movement of the sovereignty doctrine, from roman times till nowadays. As a result, it proves authentic of the state sovereignty and state legal personality.*

Keywords: *sovereignty, state, imperium, fisc, legal personality.*

References

1. Aksakov K.S. О внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы / Сост. N.L. Brodskij. М.: Типография Т-ва I.D. Sytina, 1910. С. 69 — 96.
2. Aleksandrov N.G. Zakonnost i pravootnosheniya v sovetskom obschestve. М.: Gosyurizdat, 1955. 175 s.
3. Alekseev N.N. Ocherki po obschej teorii gosudarstva. Osnovnye predposylki i gipotezy gosudarstvennoj nauki / Pod red. V.A. Tomsinova. М.: Zertsalo, 2008. 216 s.
4. Alekseev S.S. Obschaya teoriya prava: uchebnik. М.: Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. 565 s.
5. Andreev N.Yu. Priroda imperatorskoj vlasti v Vizantijskoj imperii // Problemy istorii i kultury srednevekovogo obschestva. SPb.: Kultinformpress, 2012. S. 110 — 113.
6. Andreev Yu.N. О некотorykh voprosakh sootnosheniya ponyatiya kazny v chastnom i byudzhethnom prave // Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2. Ch. 2. S. 162 — 169.
7. Bredikhin A.L. Suverenitet kak politiko-pravovoj fenomen. М.: Infra-M, 2012. 128 s.
8. Valdenberg V.E. Gosudarstvennoe ustrojstvo Vizantii do kontsa VII veka. SPb.: Izdatelstvo SPbGU, 2008. 222 s.
9. Verzhbitskij K.V. Razvitie sistemy printsipata pri imperatore Tiberii (14 — 37 gg. n.e.) // URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/verzhbit/verzhb013.htm>.

10. Dementeva V.V. Magistratskaya vlast Rimskoj respubliki: sodержanie ponyatiya imperium // Vestnik drevnej istorii. 2005. № 4. S. 46 — 75.
11. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo / pod red. V.S. Nersesyantsa. M.: Norma, Infra-M, 1996. 704 s.
12. Dyugi L. Konstitutsionnoe pravo: obschaya teoriya gosudarstva. M.: Infra-M, 2014. 427 s.
13. Ivanov V.V. Teoriya gosudarstva. M.: Izd-vo GU-VSHU, 2010. 288 s.
14. Kolev A.N. Natsiya i gosudarstvo. Teoriya konservativnoj rekonstruktsii. M.: Logos, 2005. 800 s.
15. Omelchenko O.A. Rimskoe pravo: uchebnik. M.: TON — Ostozhe, 2000. 208 s.
16. Oriu M. Osnovy publichnogo prava. M.: Infra-M, 2013. 576 s.
17. Palienko N.I. Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1903. 591 s.
18. Palienko N.I. Uchenie o suschestve prava i pravovoj svyazannosti gosudarstva. Kharkov: Zilberberg i synovya, 1908. 345 s.
19. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost. M.: Ajris-Press, 2006. 624 s.
20. Tikhomirov L.A. Rukovodiaschie idei russkoj zhizni. M.: Institut Russkoj Tsivilizatsii, 2008. 640 s.
21. Khachatryan N.A. "Korol — imperator v svoem korolevstve"... Politicheskij universalizm i tsentralizovannye monarkhii // Imperii i etnonatsionalnye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya / otv. red. i sost. N.A. Khachatryan. M.: Nauka, 2011. S. 66 — 88.
22. Chicherin B.N. Obschee gosudarstvennoe pravo / pod red. V.A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2006. 505 s.
23. Shmitt K. Diktatura. Ot istokov sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj borby / Per. s nem. Yu.Yu. Korintsy; Pod red. D.V. Kuznitsyna. SPb.: Nauka, 2005. 329 s.
24. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo. SPb.: Nauka, 2016. 570 s.
25. Esmen A. Obschie osnovaniya konstitutsionnogo prava. SPb.: Tipografiya B.M. Volfa, 1898. 361 s.
26. Yaschenko A.S. Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva. T. 1. M.: Librokom, 2012. 408 s.